

В. Р. Ваврикъ.

Подъ шумъ Салгира.

Разказъ изъ жизни „Добровольцевъ“.

За Библіотекою

ЛВОВЪ, 1924.

Изъ типографіи Ставропигійскаго Института
подъ управленіємъ А. И. Яськова.

В. Р. Вазрикъ.

Подъ шумъ Салгира.

Я сѣлъ на старую скамью,
А листья надо мной, склоняся, шептали
Мнѣ повѣсть грустную свою.

А. Н. Апухтинъ.

I. Встрѣча.

На тихій сводъ неба взошла луна. Что за чудная осень при лунномъ свѣтѣ въ степяхъ у Чернаго моря! Что за волшебная ночь въ осеннюю пору въ Мелитополь! Въ саду народу тьма; хоть на Руси горе, междоусобная брань, все же жить хочется. Здѣсь жизнь и за полночь переливается тихой струей. Но сладокъ и сонъ, и садъ пустѣетъ.

Тишина. На развалинахъ старыхъ домовъ и на стѣнахъ хмурой синагоги тревожно вопять неугомонныя совы. Не къ добру вопять онѣ и гогочуть!

Все ушло изъ сада; остался одинъ лишь человѣкъ — бывший изъ Александровскихъ позицій въ Мелитополь на отдыхъ, поручикъ Осипъ Федоровичъ Моцко. Онъ сѣлъ на скамью, покликъ головой и нахмурилъ чело, на которомъ только въ день виденъ рубецъ, полученный имъ въ жаркомъ бою за честь и свободу русской земли. Онъ молодъ еще, ему не больше 20-ти лѣтъ, но воинъ онъ старый! Ретивое у него неудержимо рвалось въ бой за честь опозоренной и несчастной земли русской. Выросъ онъ въ Яворовѣ, у столъ Карпата, и потому любилъ свободу, какъ любить ее царь поднебесья — орелъ, выросшій на вершинахъ подъ звукъ трембиты, подъ журчанье водопадовъ, подъ шумъ бора и подъ раскаты грома.

Осипъ опустилъ свою буйную голову на граненый штыкъ и призадумался. На великой Руси ему негдѣ было склонить свою голову, развѣ на одинъ штыкъ — единственную надежду и опору жизни его. Такъ и сдѣлалъ онъ, оставшись въ саду ночевать. Зѣвнувъ нѣсколько разъ, онъ вытянулся на скамьѣ

и вдругъ онъ замѣтилъ, что мимо него пробѣжала быстрыми шагами женщина. Онъ ее остановилъ:

— Сестра, дай мнѣ гдѣ получше проспать ночку!

— Отстань! За кого ты меня принимаешь?

— То есть? За женщину, за ангела, за сестру милосердія!..

— Что же мнѣ дѣлать?.. Что скажутъ родители?

— Поймите вы меня: цѣлый день искалъ я уголка, гдѣ бы могъ отдохнуть и уснуть спокойно, но увя! Я не нашелъ его и принужденъ ночевать здѣсь. Свои своихъ боятся и отъ своихъ бѣгутъ, словно отъ моровой язвы. Куда ни придешь, каждый лишь дверью — хлопъ!

— Подождите маленечко, я сейчасъ приду!

Она ушла. Онъ опять зѣвнулъ. Сырой туманъ надвинулся густой пеленой на садъ и сразу стало холоднѣе.

— Нѣтъ, не придетъ, — подумалъ Моцко — она только такъ, чтобы отвѣзаться.

Случилось, однако, иначе. Незнакомка пришла и пригласила его въ домъ своихъ родителей. Она ввела его въ уютную комнату, освѣщенную тусклымъ свѣтомъ фонаря, указала постель и, пожелавъ покойной ночи, ушла къ себѣ на другую половину дома. Такимъ образомъ ему не удалось разсмотрѣть даже лица своей случайно встрѣтившейся хозяйки.

Не раздвѣаясь, Моцко палъ на чистую постель и уснулъ крѣпкимъ, но беспокойнымъ сномъ. Его мучили видѣнія кровопролитныхъ боевъ и, какъ въ бреду, мѣнялась картина за картиной: то на лихомъ конѣ пролеталъ онъ широкую степь, то видѣлъ бѣготню наступающихъ и отступающихъ стрѣлковъ, то слышалъ призывы и крики сбившейся въ кучу толпы.

Когда онъ проснулся, то увидѣлъ чистенькую комнату, освѣщенную лучами утренняго солнца. Сердце у него затрепетало, такъ обрадовался онъ свѣтлому солнцу. Онъ и самъ не зналъ, почему ему было такъ весело отъ него. Онъ любилъ его и молился на него, чтобы могучій свѣтъ никогда не померкъ надъ русскими селеніями и городами, чтобы ясно и тепло отъ него было въ русскихъ хижинахъ, чтобы съ нимъ разливались по всей русской землѣ, отъ Вѣлаго моря до Чернаго, отъ Карпата до Тихаго океана, миръ, любовь и благодать, чтобы отъ его перваго луча исцѣлялись ноющія раны и высыхали слезы и такъ напрасно льющаяся братская кровь.

Осипъ привелъ себя въ порядокъ. Послышался стукъ; открылась тихонько дверь; вошла Вѣра — такъ называлась та, которая дала ему постель и комнату — и поздоровалась съ своимъ гостемъ, который, вмѣсто того, чтобы подойти къ дѣвушкѣ, попятился немножечко назадъ; такъ былъ онъ пораженъ ея красотой. Да, Вѣра была красавицей! Какъ солнце, милѣе весенней розы сіяло ея лицо, черты котораго были необыкновенно правильны. Большіе, черные, какъ тернъ, глаза, освѣщенные черными рѣсницами и бровями, отражали порывы самой нѣжной и мятежной любви. Ниже стана падала черная, какъ смоль, коса.

Рѣчь ея звучала какими-то милозвучными и таинственными голосами.

Ключемъ забила кровь въ молодомъ офицерѣ. Въ увлеченіи онъ забылъ даже поблагодарить Вѣру за приглашеніе къ чаю. Очнувшись, онъ стянулъ свой станъ поясомъ и легкой походкой вошелъ въ столовую. Онъ поклонился, представился хозяевамъ и занялъ мѣсто за столомъ. Какъ всегда бываетъ, при чаѣ разговаривали. Вѣра разливала чай, подавала хлѣбъ и поддерживала разговоръ.

— Жизнь стала невыносимой. Тяжко жить на старости лѣтъ — началъ старикъ, похожій на нѣмца.

— Кто же виновать? Сами виноваты! Что посѣяли, то и жнемъ теперь! — возразилъ поручикъ, привывшій высказывать свое мнѣніе прямо, порывисто и рѣзко.

— Вамъ лучше знать! Когда, однако, кончится все это?

— Отвѣчу вамъ просто: когда русскіе обрѣтутъ разсудокъ! Люди прямо рухнулись! Низложилъ царя, они вмѣстѣ съ тѣмъ лишились и ума и предались болтовнѣ, разврату, грабежу, братоубійству, и это ли свобода? Нѣтъ, у насъ иначе!

— Гдѣ это у васъ? — спросила Вѣра. — Развѣ вы не русскій?

Старики устремили на офицера вопросительные глаза.

— Какъ вамъ сказать? Я русскій, только не здѣшній! Я галичанинъ!

— Какъ? англичанинъ? — перебила его старушка.

— Нѣтъ, не англичанинъ, а галичанинъ?

— Я такъ и подумалъ сразу, что вы не русскій! — важно замѣтилъ старикъ, подавая папиросы.

— Не вѣрно думали! — съ досадой отвѣтилъ Моцко.

Чай кончился. Офицеръ, поблагодаривъ хозяевъ за хлѣбъ-соль хотѣлъ удалиться, но Вѣра его задержала и попросила проводить ее въ садъ. Они вышли въ огородецъ. Дивно здѣсь было. На каждомъ предметѣ лежали слѣды южной очаровательной осени. Кудрявыя астры серебромъ сіяли на солнцѣ, а два тополя-красавца, какъ свѣчи, вытянулись къ голубому небу. Опавшее лѣтнее шуршало отъ перелетнаго вѣтра. Они вошли въ обнаженную на половину бесѣдку и сѣли на скамейку.

— Скажите, пожалуйста, кто такіе галичане? — спросила неожиданно для Моцко Вѣра.

— Это Вѣра, — простите, однако; раньше позвольте узнать ваше отчество?

— Не важно! Зовите меня Вѣрой и только!

— Какъ такъ? Впрочемъ, хорошо! И такъ слушайте, Вѣра: На южныхъ и сѣверныхъ склонахъ Карпатъ живетъ часть русскаго народа, находящагося много столѣтій подъ властью Угорщины, Польши, а затѣмъ и Австріи. Во время послѣдней войны этихъ русскихъ нѣмцы и мадьяре объявили узниками и подвергли ужаснымъ гоненіямъ. Десятки тысячъ тамшняго русскаго населенія, не исключая женщинъ и дѣтей, они заперли въ

тюремны или казнили, а боеспособныхъ выгнали на самыя опасныя позиціи. Тогда я былъ еще слишкомъ молодъ, чтобъ быть солдатомъ, и потому только я попалъ въ тюрьму. Но скоро пришли русскіе и я былъ ими освобожденъ. Къ сожалѣнію, недолго уже довелось мнѣ быть съ ними и, чтобы бороться за освобожденіе родины, добровольно я поступилъ въ русскую армію. Но тутъ-то, какъ вамъ извѣстно, страслось горе хуже отступленія изъ Карпатъ: въ то время, когда армія напрягала всѣ усилія, чтобы повздержать непріятеля, крамольники захватили власть въ свои руки. Дальнѣйшее вы сами знаете. Я рѣшился быть вѣрнымъ той Россіи, которая не желала видѣть у себя нѣмцевъ, и при помощи которой и мои Карпаты сбросили бы изъ себя чужое иго. Теперь, Вѣра, видите, почему я въ рядахъ продолжающихъ бой за честь и свободу всего русскаго народа?

— Все теперь мнѣ ясно и понятно! Печальная исторія! Какъ радо пошла бы я сражаться съ врагами родины моей рядомъ съ вами!..

— Ну, Богъ съ вами, Вѣра; гдѣ вамъ — нѣжной женщинѣ — переносить тяжести, невзгоды и лишенія войны! А впрочемъ! Почему, однако, рядомъ со мною?

Вѣра покраснѣла и опустила голову на грудь свою, волнуемую рѣшающимъ боемъ двухъ мыслей: высказать ли все откровенно или утаить разъ навсегда. Затѣмъ она подняла полныя слезъ глаза и приблизилась къ Осипу.

— Возьмите меня съ собою... я на все готова... на всѣ лишенія, на всѣ муки, на смерть!..

Ни въ одномъ народѣ всего земного шара трудно найти подобный типъ женщины, какой живетъ среди русскаго народа. Момко этого, конечно, не зналъ и только теперь понялъ это. Ему сердечно жалко стало пылкую дѣвушку и, чтобы отвлечь ея вниманіе отъ себя, рѣшительно онъ отвергнулъ предложеніе, совершенно необдуманное и невозможное.

— Этого быть на можетъ! — произнесъ онъ сухо.

Взрывъ тихаго рыданія, какъ лепетъ отбившейся отъ стада голубки, послышался въ бесѣдѣ. Вѣра полюбила Осипа, полюбила сразу, но полюбила пламенной и святой любовью, что обнаружилось въ этомъ внезапномъ и искреннемъ плачѣ. Долго она не плакала и скоро овладѣла своими чувствами.

— Я сознаю, что я недостойна васъ! Не правда ли?

На такія слова, впервые въ своей жизни, онъ растерялся, чего съ нимъ не бывало въ самомъ опасномъ сраженіи. Онъ отвѣчалъ наугадъ, повторялъ одно и то же:

— Да вѣтъ, Вѣра, не то... Боже мой! чтобы вы были недостойны меня?.. Напротивъ, я достоинъ вашихъ святыхъ чувствъ!.. Нельзя, поймите, что нельзя, Вѣра!.. Немыслимо!.. На лишенія, на нищету и, Богъ вѣстъ, на что еще!..

— Такъ знаете что: останьтесь здѣсь, со мною! Мои родители довольно состоятельны и ничего не пожалѣютъ для меня. Безъ васъ одного обойдется!

Такая нечаянная перемена предложенія Вѣры просто ошеломила Моцко. Мысли у него перепутались. Онъ взглянулъ на нее пристально, всталъ и махнулъ рукою:

— Нѣтъ, Вѣра, и этого быть не можетъ! Я сталъ бы презирать самого себя, если бы предпочелъ мирную жизнь борьбѣ за честь, долгъ, право, свободу свою и всего народа. Я проклялъ бы самого себя, если бы позабылъ тѣхъ, которые сражались и сражаются за лучшее будущее моей родины и всей русской земли, которые положили свои головы на поляхъ, погибли по тюрьмамъ, темницамъ или были изжарены въ мѣдныхъ котлахъ. Я трижды проклялъ бы себя, если бы оставилъ неотомщенными тѣхъ друзей и соратниковъ, которые рядомъ со мной проходили, истекая кровью, степи вдоль тихаго Дона, поля Кубани, все поморье Малороссіи. Наконецъ, Вѣра, наконецъ не могу измѣнить той, которой уже далъ слово не измѣнить...

— Такъ и говорите! Вы любите другую! Она красивѣе, она лучше меня!

— Люблю, но не такой люблю, какъ вы себѣ, Вѣра, представляете. Узнайте всю правду: это было тамъ, въ Галичинѣ, во Львовѣ, въ тюрьмѣ. Ночь была. Вѣшали людей нашихъ. Она пришла ко мнѣ и съ рыданіями бросилась на мою грудь. Ничего она не говорила, но я понялъ, чего она пришла, и я поклялся не измѣнить человѣку, страдавшему за свой народъ.

— Она васъ любила?

— Не знаю, Вѣра, право не знаю, она мнѣ этого не сказала, но я ее люблю.

— За что?

— Люблю и самъ на знаю, за что! Конечно, за красоту сердца, за доброту.

— Такъ... но повѣрьте, русская женщина красивѣе и лучше всѣхъ другихъ въ мірѣ женщинъ.

— Не смѣю спорить, но наша галичанка не дошла еще до того, чтобы во имя чуждаго ей интернаціонала измѣнила вѣрѣ и завѣтамъ своей земли. У насъ еще до того не дошло, что я видѣлъ здѣсь въ одномъ городѣ.

— Что именно?

— Я видѣлъ, какъ на глазахъ русскихъ людей свинья на площади, держа между своихъ ногъ убитаго человѣка, жрала русскіе мозги. Вотъ почему возсталъ Корниловъ противъ палачей русскаго народа, вотъ почему двинулся Деникинъ на Москву, вотъ почему и я съ ними! Прощайте, Вѣра! Спасибо вамъ за теплое ко мнѣ отношеніе, за кровь, за хлѣбъ - соль, за доброе слово. Передайте мой поклонъ матушкѣ и батюшкѣ вашимъ. Не поминайте лихомъ. Не могу здѣсь оставаться, я долженъ обратно въ Александровскъ; чай, Махна поймаю!..

Онъ удалился, забывъ захватить съ собою оружіе и саблю, которыя остались въ комнатѣ. Онъ не оглянулся даже; вотъ какъ можетъ война закалить молодое сердце! Вѣра стояла, какъ статуя, на одномъ мѣстѣ и не шевельнулась. Всего, что говорилъ

офицеръ, ставшій для нея загадой, она не поняла и не сообразила; то жаръ то холодъ пробѣгали по жиламъ ея, и она еще сильнѣе и еще больше полюбила его.

Съ нимъ черноокая Земфира,
Теперь онъ вольный житель міра,
И солнце весело надъ нимъ
Полуденной краскою блещетъ,
Что жъ сердце юноши трепещетъ,
Какой заботой онъ томимъ?

А. С. Пушкинъ.

2. Послѣдствія встрѣчи.

Солнце клонилось къ закату, засыпая Александровскъ своими ароматными лучами. Въ саду музыка полка, къ которому принадлежалъ Моцко и который пришелъ сюда пополниться и отдохнуть на нѣсколько дней. Въ саду женщины - красавицы, въ саду даже цвѣты, которыхъ не успѣла сомать махновщина, и кажется, что не осень на землѣ, а весна. Какое чудо! Но Осипъ этого не видитъ, не ощущаетъ. Онъ сидитъ въ своей комнаткѣ по Гоголевской улицѣ съ нахмуреннымъ лбомъ и думаетъ. Чего же онъ нахмурился, какія у него заботы и думы, чего ему не хватаетъ? Есть конь, въ полку сабель и винтовокъ хватить, есть и дѣвчина - чернобровка, чего же ему еще нужно? Дурень молодой человѣкъ! Въ его головѣ все какіе-то идеалы, какіе-то неудержимые порывы, какая-то грусть, тоска, печаль. Одумайся, же, наконецъ! Не чуетъ, не слышишь, не видишь, что у твоей двери стучится пылающее, юное сердце красавицы въ богатомъ платьи, въ шелковомъ платкѣ, съ тяжелой черной косой на плечѣ! Это она — Вѣра, прилетѣвшая ласточкой изъ Мелитополя къ тебѣ; родителей обманула и все таки тебя нашла. Очнись, очнись, Осипъ! Она пріоткрывъ дверь, робко стоитъ на порогѣ; отбросивъ стыдъ, она просится къ тебѣ.

— Здравствуйте, Осипъ Федоровичъ! Не осудите, что къ вамъ пришла незванная.

Только теперь спохватился Моцко, одурманенный какимъ-то столбнякомъ. Быстро поднялся онъ на ноги и съ трепетнымъ сердцемъ подошелъ къ Вѣрѣ, которая, словно дитя, невидѣвшее своей матери, повисла на его шеѣ.

— Ося, не покидай меня, не гони меня отъ себя прочь; я хочу быть съ тобой и я пришла сюда потому, чтобы быть твоей. Я люблю тебя за то, что ты любишь бой и смѣло рубишь мечомъ.

— Вѣра, вѣдь ты губишь себя. Ты слишкомъ увлеклась мимолетнымъ, губительнымъ чувствомъ. Ты связываешь свою судьбу съ человѣкомъ, который не можетъ дать тебѣ счастья. Пойми, Вѣра, у меня другая невѣста...

— Ося!.. Ося!.. она далеко; она, быть можетъ, позабыла тебя; она, быть можетъ, и не жива.

Онъ нахмурилъ чело и сталъ ходить по комнатѣ. Въ немъ происходила борьба чувствъ, какихъ онъ еще не испытывалъ никогда. Такихъ душевныхъ волненій, какія выпали на его долю въ два дня, онъ не могъ вполне даже понять; онъ не былъ въ состояніи сообразить, что-нибудь умное. Однако послѣдующее откровеніе Вѣры было для него громовымъ ударомъ.

— Ося, и той тебя не видать, и я тебя недостойна.

— Почему? Опять все то же.

— Потому... потому, что я жидовка!

Она нарочно и съ удареніемъ произнесла послѣднее слово. У русскихъ оно считается презрительнымъ и ругательнымъ, и Вѣра желала, какъ можно болѣе себя унижить. У Осипа кругомъ заходила голова; никакъ не могъ онъ привести въ порядокъ своихъ пошатнувшихся и водоворотомъ закружившихся мыслей. Онъ не могъ вымолвить ни слова и только открылъ широко свои глаза.

— Чего вы такъ странно на меня смотрите? Говорю вамъ и повторяю: я жидовка!

— Какъ жидовка? Почему же до сихъ поръ я этого не замѣтилъ? Кажется, до сихъ поръ еще я не ошибался и сразу узнавалъ, кто русскій, а кто жидъ? Не хитрость ли здѣсь? — спросилъ онъ себя и еще пристальнѣе посмотрѣлъ на дѣвушку и опять не нашелъ въ ней ничего еврейскаго.

— Не можетъ быть! Ничего еврейскаго не замѣтилъ я также въ домѣ ея родителей. Я по стѣнамъ узнаю еврейскій домъ; по звуку узнаю человѣка! А она и старики ея прекрасно говорятъ по русски, весь домъ какъ будто русскій. Зачѣмъ же у нея крестикъ постоянно на шеѣ? Что это такое? — думалъ онъ, стараясь уяснить себѣ всю таинственность поразившаго его случая. Онъ не могъ собраться съ мыслями и не зналъ, что сказать Вѣрѣ, что начать, чтобы кончить создавшееся невыносимое положеніе.

— Прощайте! Все кончено! Не поминайте зломъ! — прошептала Вѣра со слезами въ очахъ, обнявши и цѣлуя Осипа.

Случилось то, чего она добивалась. Прежде всего слова прощанія сбили его съ толку, потомъ гипнозъ ея очей, жаръ ланитъ разшевелили въ немъ чувство состраданія. Онъ — неопытный юноша, незнающій силы женщины, сразу подвергся неуловимому, тонкому и неотразимому вліянію очаровательной дѣвушки, которая опять неожиданно притянула его къ себѣ и цѣловала, обвившись руками вокругъ его шеи.

— Ося, миленькій мой, не отталкивай меня отъ себя. Я знаю, что ты не можешь меня любить, ибо ты православный, а я жидовка.

Грудь ея то подымалась то падала. Черныя ея очи пылали, какъ въ печи раскаленные уголья, лицо ея горѣло, какъ утренняя заря. Она склонилась на его грудь и ждала отвѣта, зная, что онъ ей принадлежитъ уже всецѣло. Но Осипъ молчалъ, слова у него не клеились. Такъ передъ бурей молчитъ лѣсокъ,

чтобы въ самую бурю могъ еще сильнѣе встряхнуть своей гри-
вой и загремѣть своей мощью. Долго не сдавался Осипъ, на-
конецъ не стерпѣлъ, не выдержалъ онъ. Какъ порохъ вспыхи-
ваетъ отъ искры въ пожаръ, такъ вспыхнуло сердце его пла-
менной любовью; загорѣлась душа, и онъ, обнимая дивную кра-
савицу, пересталъ владѣть собою.

— Вѣра, Вѣрочка — повторялъ онъ, какъ въ бреду.

Вдругъ безъ оглядки онъ выбѣжалъ на дворъ. Смеркалось.
На небѣ появились звѣзды. Надъ Дняпромъ гремѣла военная
музыка; ей отвѣчала вторая музыка изъ городского сада. Въ го-
ловѣ Осипа смѣшались всѣ впечатлѣнія, отъ которыхъ получился
туманъ хаоса.

— Глупо и смѣшно! Она еврейка — какое мнѣ дѣло, пусть
себѣ! Но я люблю ее, именно люблю, какъ никого на свѣтѣ не
любилъ еще. Люблю и поэтому никакое зло не коснется ея,
пока на мѣстѣ мой разумъ. Нѣтъ! Этого быть не можетъ уже
по той одной причинѣ, что она вѣритъ въ мою честь. Иначе
она сюда не пришла бы и не высказала бы всего того, что вы-
сказала мнѣ. Съ моей стороны была бы большая неблагодар-
ность, если бы я этотъ дѣвственный цвѣточекъ сомялъ въ моей
хатѣ, презрѣвъ законъ гостепріимства. Надо съ этимъ покон-
чить честно, какъ долгъ мой требуетъ — подумалъ онъ въ слухъ
и возвратился въ комнату. Вѣра встрѣтила его улыбкой, по-
правляя свои разметавшіеся по плечу буйные черные кудри.

— Ося, гдѣ ты былъ? Зачѣмъ же ты убѣжалъ?

— Дорогая моя, не хочу, не могу ломать; Вѣра, узнай
почему: потому что я тебя люблю.

Недоумѣніе выразилось на лицѣ дѣвушки, растерявшейся
отъ неожиданнаго для нея признанія. Всѣ ея усилія стремились
къ тому, чтобы добиться отъ него этого признанія; все отъ него
зависѣло, но добившись, она какъ будто не повѣрила въ то, что
слышала, вся вдругъ покраснѣла и потупила глаза.

— Любишь жидовку? — спросила она.

— Ну, что же? Люблю, какая есть: Мнѣ не зачѣмъ лгать!

— Не понимаю тебя: любишь и отъ любви бѣжишь? Труд-
но мнѣ повѣрить въ твое слово. Неужели ты Иосифъ Пре-
красный?

— Вѣра, не издѣвайся надо мной!

— Нѣтъ у меня ни малѣйшаго намѣренія издѣваться надъ
тобой, и я ухожу.

— Зачѣмъ, куда въ ночь?

— Не стану же ночевать у тебя. Пойду въ садъ и сдѣлаю
такъ, какъ ты хотѣлъ сдѣлать въ ночь нашей встрѣчи. На все
я готова сегодня.

— Ничего не понимаю! Вѣра, ты смѣешься надо мной.
Спи у меня, я пересплю ночь въ полковой канцеляріи.

— Не буду, не буду. Не хочу тебя стѣснять и тревожить.
Не безпокойся, миленькій; у меня здѣсь родная сестра. Ну, Ося,
прощай, прощай разъ навсегда!

Она подошла къ нему и опять поцѣловала.

— Вѣра, ты меня замучишь.

— Ничего! но проводи меня къ сестрѣ — сказала она, подавъ ему свою руку.

Они вышли на улицу, покрытую густыми сумерками. На Дѣпрѣ оттуда, гдѣ лежигъ Хортица, загудѣлъ глухой гулъ и перекатомъ пошелъ по домамъ города. Вокругъ каждого фонаря, мимо котораго они проходили, стояло кольцо, какое иногда видно вокругъ мѣсяца. Соборная улица, на которой жила сестра Вѣры, была совершенно неосвѣщена. Ничего и никого не было видно впереди, даже городовые спрятались куда-то. Они остановились у воротъ трехэтажнаго дома. Вѣра дергнула ручку и за дверью отозвался хриплый голосъ звонка.

— У меня сестра православная, что вы скажете на это? — прервала молчаніе Вѣра.

— Неужели! — вскрикнулъ онъ, какъ будто эти слова вели его изъ мрака и лѣса, въ которомъ онъ блуждалъ, на ровный, прямой путь, какъ будто онъ развязали Гордіевъ узелъ всего запутаннаго вопроса о Вѣрѣ и указали ему развязку.

— Значить, что и ты можешь быть моею, что, Вѣра? — торопясь, спросилъ онъ.

— Поздно! Некогда теперь говорить объ этомъ!

— Вѣра, смилуйся! такъ что же мнѣ дѣлать?

Возвращайся въ Мелитополь! Черезъ нѣсколько дней я приѣду туда тоже. Кстати у насъ все твое оружіе. Желая отвязаться отъ меня, ты бѣжалъ и оставилъ его. До свиданія!

Открылась дверь, и Вѣра исчезла въ темнотѣ. Онъ постоялъ съ минуту у дверей, а потомъ, какъ мальчикъ, побѣжалъ на вокзалъ, который биткомъ заполнила сѣрая масса людей, солдатъ и гражданъ. По ногамъ спящихъ крестьянокъ, по мѣшкамъ и коробкамъ онъ протѣснулся къ дверямъ, толкнулъ жандарма и вскочилъ въ набитую народомъ теплушку уже двигающагося поѣзда.

Не тотъ еще добрый воинъ, кто не потерялъ духа въ важномъ дѣлѣ, а тотъ добрый воинъ, кто и на бездѣльи не соскучитъ, кто все вытерпитъ и, хоть ты ему что хочь, а онъ все таки поставитъ на своемъ.

Н. В. Гоголь.

3. Въ угартъ любви.

— Чудная дѣвушка. Жаль только, что еврейка. Какая пакость! и надо мнѣ было встрѣтиться съ ней на моемъ пути. Лихо меня дернуло занимать ее въ саду. Быть можетъ, и правду говорятъ, что судьбы своей не обойдешь, не объѣдешь... Ну, такъ что, что она еврейка? Вѣдь же сестра у нея православная,

и сама она, кажется, не прочь была бы принять православіе. Но ея родители? Какъ могъ бы я ихъ звать отцомъ и матерью? Положимъ, можно бы звать по имени-отчеству. Но что сказали бы мои родные, когда узнали бы, что я взялъ себѣ за жену еврейку? Нѣтъ, этого быть не можетъ! Надо себѣ выбить изъ головы Вѣру! — разсуждалъ, сидя въ своей комнатѣ, Моцко.

Какъ галичанинъ, молодой и неопытный человекъ, онъ не могъ понять того, чтобы жидовка могла быть русской. Онъ не вѣрилъ въ это. Тѣмъ не менѣе, послѣ пріѣзда Вѣры изъ Александровска, онъ всецѣло подпалъ подъ ея вліяніе; ему пріятно было слушать ея ласковыя рѣчи и тѣмъ сильнѣе онъ пригорѣлъ къ своему сердцу. И она льнула къ нему всей силой своей мятежной любви. Наконецъ онъ ей сознался, что она ему необходима, какъ воздухъ, такъ какъ она за нимъ ухаживала, какъ мать за ребенкомъ. Согрѣтый любовью, лаской и добротой чудной дѣвушки, онъ забывалъ прошедшее, мрачное и грозное, и каждое ея появленіе встрѣчалъ восторженной радостью. Замѣтивъ это, она постановила дѣйствовать рѣшительнѣе.

Прошла недѣля. Осень Украйны продолжала быть роскошной безъ перемѣны. Только по вечерамъ и утрамъ погода становилась сѣрѣе, но несмотря на это въ саду протекала жизнь русомъ. Въ субботній вечеръ тамъ народа полнымъ-полно. Одинъ Осипъ предпочелъ остаться дома; онъ зналъ, что Вѣра придетъ къ нему. И въ самомъ дѣлѣ неслышно открылась дверь, изъ за которой тихонько, какъ луна изъ-за тучки, появилась она съ распушенной по плечу косою, шума своимъ бѣлымъ платьемъ. Восторгомъ наполнилось его сердце.

— Вѣра, Вѣрочка дорогая! — рванулся онъ ей на встрѣчу, но былъ ею остановленъ. Она приложила къ своимъ устамъ палецъ, и онъ понялъ, что нужно молчать. Они сѣли на кровать.

— Ося, я не хочу и теперь уже не могу быть жидовкой. Я хочу быть православной.

— Погоди, Вѣра; потомъ поговоримъ объ этомъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, милый! Я хочу молиться и поклоняться твоему Богу. Хочу, чтобы между нами не было ни малѣйшей разницы въ мысли и вѣрѣ. Хочу повѣнчаться съ тобою въ церкви, хочу быть твоей законной женой. Хочу, чтобы ты меня не разлюбилъ и никого и ничего не любилъ сильнѣе и болѣе меня на свѣтѣ.

Отъ такихъ словъ у Осипа закружилась голова и онъ поклялся ей небомъ и землею, что будетъ любить ее одну всегда, до самой могилы. Тогда, добившись такого признанія, она встала и быстро ушла. Онъ ждалъ, ждалъ ее, но все напрасно. Наконецъ допнуло его терпѣніе; онъ схватилъ фуражку и выбѣжалъ изъ комнаты. Долго бродилъ онъ по улицамъ и переулкамъ, останавливаясь и разсуждая самъ съ собою, и въ полночь кинулся въ ресторанъ.

— Вина! — крикнулъ онъ, едва перешагнувъ порогъ.

Когда ему подали, то съ жаждой припалъ онъ засохшими

губами къ краю чаши и однимъ духомъ выпилъ утоляющую влагу. Отъ испареній вина въ его умѣ задымились тучи, въ которыхъ молніями сверкали мысли:

— Что же я дѣлаю? Кого я люблю? Кто я таковъ? Измѣнникъ я! Это не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію... Да, пусть я измѣнникъ! За дѣву черноглазую я душу отдамъ сатанѣ! Ха-ха, за дѣву черноглазую!.. Вѣра, гдѣ ты, чего бѣжишь? Нѣтъ! теперь ты отъ меня не уйдешь! Я пойду за тобой на дно ада, душу отдамъ, жизнь погублю!.. Вѣра, я ли виноватъ, что люблю тебя больше, чѣмъ свою душу? Ха-ха, ликуй, сатана!.. Эй, вина, вина!

Послѣ сильнаго душевнаго напряженія Осипъ ослабъ и опустилъ на грудь буйную голову свою, а изъ очей брызнули слезы. Въ такомъ жалкомъ состояніи нашелъ его вошедшій въ ресторанъ высокій, смуглый офицеръ. Онъ оглянулся на всѣ стороны и, узнавъ въ немъ хорошо знакомого своего боевого товарища, подошелъ къ его столу.

— Ба-а-а! Кого я вижу — крикнулъ онъ.

Осипъ поднялъ голову, посмотрѣлъ косо и глупо и опять поникъ къ столу, какъ будто сказанныя слова и не относились къ нему. Онъ не узналъ, кто стоялъ передъ нимъ; а былъ это лучший его другъ, Александръ Александровичъ Туча, который, не дожидаясь отвѣта, ударилъ его своей черной крѣпкой рукой по плечу. Осипъ забормоталъ только и опять заплакалъ, что убѣдило Тучу въ томъ, что другъ его вѣренъ. Онъ хватилъ его руку и пожалъ со всей силы.

— Здоровъ, братъ! Какая неожиданность! Чего, чертъ возьми, такъ кисло смотришь на меня! Не узнаешь?

— Здоровъ, здоровъ... теперь уже знаю: это ты, Саша? Ра-адъ, что тебя увидѣлъ — отвѣтилъ, закиваясь, Осипъ, пришедшій отъ пожатія руки въ сознаніе. Отвѣтъ его еще сильнѣе поразилъ Тучу и онъ опять пожалъ его руку.

Ну, слава Богу, что ты говоришь! Никогда не надѣялся. Теперь, Ося, рассказывай, какъ поживаешь?

— Какъ п... п... поживаешь? Какъ? Измѣнникъ я, Саша!

— Что за чушь ты несешь, чортъ возьми!

— Именно ч...чоортъ! сатана! — еле выговорилъ Осипъ и свалился на столъ.

— Ну, братъ, здорово ты нализался! Ничего, пройдетъ а выпить во всякомъ случаѣ не повредитъ. Эй, хозяинъ! рюмочку да закусочку, если можно, теплую!

Александръ Александровичъ Туча былъ старше Осипа на четыре года. Смѣло можно сказать, что это былъ человѣкъ случая, рока. Родился онъ на Галицкой Волынѣ; ни отца ни матери онъ не помнилъ. Случайно онъ былъ замѣченъ приходскимъ священникомъ въ школѣ, какъ одинъ изъ лучшихъ школьниковъ, и отосланъ въ бурею уѣзднаго города, гдѣ онъ окончилъ гимназію, просидѣвъ полтора года въ Талергоффъ, а оттуда былъ взятъ въ солдаты и посланъ на фронтъ. Онъ бѣжалъ въ Россію

и продолжалъ свое образованіе въ Донскомъ университетѣ. Въ началѣ онъ вѣрилъ въ революцію, какъ въ весну возрожденія русскаго народа, который по его мнѣнію, новыми силами долженъ былъ смести въ русской земли всю грязь. Но онъ жестоко обманулся и, когда нѣмцы стали хлынуть въ предѣлы русской земли, когда началась гражданская война, онъ бросилъ университетъ и ушелъ къ Корнилову въ ударный баталіонъ. Осипа онъ узналъ ближе и оцѣнилъ въ бою на Недреманной горѣ, которая отдѣляетъ Кубанскую область отъ Ставропольской губерніи. Тамъ они оба командовали взводами. Бой продолжался цѣлый день. Подъ вечеръ Моцко былъ раненъ тяжело въ голову и отправленъ въ Ставрополь. Туча, узнавъ объ его раненіи, взялъ отпускъ на три дня и уѣхалъ въ городъ, гдѣ нашелъ своего товарища въ ужасномъ положеніи. Раненый, какъ угорь, вился на койкѣ и кричалъ на всю комнату. Врачи объявили Тучѣ, что пуля задела у Моцко мозгъ и что вслѣдствіе этого онъ пересталъ говорить. Дальнѣйшія успокаиванія врачей, что ввиду крѣпкаго тѣлосложенія раненаго, удастся операція, но вѣмота останется на всю жизнь, еще сильнѣе встревожили Тучу. Никогда до сихъ поръ онъ не плакалъ, а теперь въ его очахъ появились слезы. Махнувъ рукой, онъ уѣхалъ въ окопы.

Прошло два мѣсяца: молодость Осипа взяла свое; операція удалась, онъ выздоровѣлъ. Врачи ошиблись, ибо онъ сталъ говорить, правда, сначала, какъ дитя, но потомъ все лучше, хотя послѣдствія раненія были ужасныя: падучая и заиканіе. Впрочемъ послѣдній недостатокъ, какъ и рубецъ на головѣ, приносилъ ему много чести, такъ какъ рѣчь у него выходила очень милой.

Между тѣмъ событія мчались и мѣнялись въ непостижимой быстротой. Деникинъ разбилъ большевиковъ и продвинулся къ Орлу. Добровольческая армія достигла высоты своей славы. Не усидѣвъ въ тылу Моцко, онъ пошелъ съ войсками на сѣверъ и еще разъ былъ раненъ, но этимъ разомъ легко. И Туча былъ раненъ. Такъ какъ они служили въ разныхъ частяхъ, то послѣ боя на Недреманной имъ никогда не приходилось встрѣчаться. Поэтому Туча считалъ Моцко погибшимъ или, въ лучшемъ случаѣ, нѣмымъ. И вотъ, когда войска Деникина стали отступать, онъ съ перевязанной лѣвой рукой отправился раньше дѣйствующей арміи въ Крымъ, чтобы не попасть въ руки большевиковъ, и неожиданно въ Мелитополѣ наткнулся на стараго своего друга, цѣлаго и здороваго. Какъ ни желалъ онъ побесѣдовать съ нимъ и вспомнить бывальщину, да жалко ему стало будить хмельного.

— Пусть выпитыя хорошенько; это полагается послѣ выпивки... Все же бывають чудеса въ мірѣ: живъ и здоровъ! — думалъ Туча, пресидѣвшій возлѣ Осипа до разсвѣта.

Какъ пріятна встрѣча послѣ долгой разлуки, знаютъ лишь тѣ, которые чудомъ спасались отъ смерти. Проснувшись, Осипъ бросился на шею Тучи и разцѣловалъ его. Въ этомъ возрастѣ мужчины любятъ цѣловаться не хуже барышень. Правда, есть исключенія, но не частыя. Таковъ былъ Туча; очутившись въ

объятіяхъ. онъ радъ былъ изліянію искреннихъ чувствъ друга, но не пофѣлуямъ.

— Не надо, Осипъ, не надо! Оставь, чортъ возьми! Вѣдь я не баба! Можно любить, можно кутать, можно выпить лишнее: все это имѣетъ смыслъ, но какой прокъ отъ пофѣлуевъ? Довольно! Лучше Расскажи, чего хныкалъ ночью? Только безъ предисловія!

— Саша, у меня большое горе...

— То есть влюбился?

— Да, Саша, ты угадалъ! Такое несчастье меня постигло.

— Какое, чортъ возьми, несчастье! Коли любишь, такъ и люби на здоровье.

— Не могу, Саша.

— Такъ и говори, что нѣтъ взаимности!

— Не въ этомъ дѣло, и она меня любитъ, но тутъ обстоятельства.

— Ничего не понимаю!

— Повѣрь мнѣ, Саша, что я, если продлится такъ дальше, съ ума сойду.

— Въ чемъ же, наконецъ, дѣло? Говори толкомъ!

— Саша, я люблю, безъ памяти люблю жидовку, вотъ въ чемъ мое горе!

— Напротивъ, это похоже на фарсъ, неожиданный и забавный. Она, конечно, молода, красива, здорова.

— Ты шутишь, Саша, а я жить не могу безъ нея и хотѣлъ бы на ней жениться.

— Это уже другое дѣло! Не знаю, чортъ возьми, не знаю, что тебѣ посоветовать. Сватомъ никогда не былъ я, съ жидами дружбы не водилъ я, въ церковныхъ правилахъ не рылся. Полагаю, однако, что русскому человѣку на еврейкѣ жениться не того-съ! А православной она быть не пожелаетъ?

— Видишь, Саша, православной она хочетъ сдѣлаться, но не знаю, можетъ ли еврейка стать русской. Мнѣ она постоянно заявляетъ, что она русская.

— Что она брешетъ! Какъ можно, чтобы еврейка была русской?

— Ну вотъ, ты и пойми ее!

— Преинтересно, чортъ возьми: еврейка и русская! Ну, чтожъ, если такъ, то женись.

— Саша, боюсь! Боюсь родныхъ, друзей, знакомыхъ, свѣсти! Боюсь, чтобъ не быть узнѣнникомъ.

— Да, соображенія вѣскія! Значитъ, надо подумать. Лучше всего будетъ, если махнешь рукой и уйдешь. Стоитъ ли ломать голову? Впрочемъ, знаешь что, Осипъ? Дай мнѣ взглянуть на твою зазнобушку. Идетъ?

— Пойдемъ!

Когда друзья пришли на квартиру Осипа, то удивились чистотѣ и порядку въ ней. Сразу замѣтно было, что здѣсь хозяйничала женская рука. Все сіяло: окна, зеркала, пьянино,

шкафъ, полъ. Нигдѣ не было ни паутинки, ни пылинки. Изъ стѣнъ привѣтливо улыбались картины. Какъ только заперлась за офицерами дверь, послышался въ нее стукъ и въ комнату вбѣжала Вѣра въ черномъ, шелковомъ, наскоро на голову наброшенномъ платкѣ, придерживаемомъ на шеѣ ея бѣлой рукой. Увидѣвъ незнакомаго человѣка, она покраснѣла, повернулась и быстро удалилась. Съ минуту не отводилъ Туча очей отъ дверей, стоя, какъ вкопанный, на мѣстѣ. Затѣмъ онъ подошелъ къ Осипу.

— Она? — спросилъ онъ.

— Она!

— Чортъ возьми, чудая дѣвчина! Теперь не удивляюсь и не осуждаю. Да, за нее можно бы отдать многое.

Осипъ вышелъ въ сѣни. Прежде всего Вѣра попрекнула его за то, что не ночевалъ дома, потомъ она потребовала пояснить причину появленія въ такъ раннюю пору чужого человѣка. Всю ночь она не спала: ее мучили неприятныя догадки и предположенія; и теперь ей казалось, что Осипъ привелъ товарища для того, чтобы рѣшить дѣло своего ухода. Съ трудомъ успокоилъ онъ ее. вмѣстѣ вошли они въ комнату.

— Позволь, Вѣра, представить тебѣ моего друга: Александра Александровича Тучу.

— Очень пріятно — шепнула она, подавая ему свою руку. Туча посмотрѣлъ ей прямо въ лицо.

— Врешеть! Ихняго брата я сразу узнаю, прикрой онъ себя чортъ знаетъ чѣмъ! — подумалъ онъ. — Радъ познакомиться съ другомъ моего друга! — добавилъ онъ громко.

— Такимъ образомъ и я вамъ придусь другомъ, и вы мнѣ также — отвѣтила, проводя къ кресламъ офицера, Вѣра, занявшая мѣсто на диванѣ.

— Благодарю васъ покорнѣйше! разрѣшите узнать ваше отчество?

Румянецъ пробѣжалъ по лицу дѣвушки.

— Развѣ это необходимо! Я женщина простая, зовите меня просто по имени: Вѣра и достаточно!

— Очень мило! тѣмъ легче рѣшимъ вопросъ вашихъ взаимоотношеній. Такъ скажите мнѣ, что думаете съ нимъ сдѣлать? Любовь, видите, хорошее дѣло, но безъ пьянства и хныканья. Сами можете судить, что это не приведетъ къ добру — не волнуясь, съ достоинствомъ началъ Туча.

Отъ этихъ словъ стало Вѣрѣ чего-то неловко и страшно. Въ глазахъ ея явился огонь, какой встрѣчается у женщины, когда рѣшается ея судьба. Своими нетерпѣливыми взглядами она мѣрила то одного то другого. Конечно, она догадалась, что заставило пить и плакать Осипа, но не могла понять, какъ его у него случилось такъ неожиданно.

— Александръ Александровичъ, вы все знаете; не ставу васъ мучить объясненіями, только повторю, что я на все готова.

Нѣтъ ничего въ мірѣ ненавистиѣ этого дома. Надѣюсь, что вы пойдете мнѣ на встрѣчу.

Этихъ нѣсколько словъ произвели на Тучу огромное впечатлѣніе. Вѣра оказалась прекраснымъ знатокомъ души. Эта черта, какъ узнѣстно, является особенностью еврейскаго племени. Туча былъ противоположенъ Осипу, который, раньше чѣмъ что-нибудь сдѣлать, предавался разсужденіямъ, погружался въ мелочи, отклонялся отъ главной мысли, долго не рѣшался и придерживался пословицы: поспѣвшишь — людей насмѣвшишь. Ему нуженъ былъ постоянный толчокъ со стороны; только, когда его терпѣніе переливалось черезъ край, онъ дѣлалъ тотъ или другой шагъ. Туча не любилъ думать и полагать, что каждое дѣло, чѣмъ раньше и скорѣе его начать, тѣмъ лучшимъ выйдетъ. Иногда поспѣшность приводила его къ комическому концу, но несмотря на это онъ не исправился. Засѣвшую въ его головѣ мысль онъ старался провести какъ можно скоро.

— Здѣсь одинъ выходъ: вамъ Вѣра, необходимо перейти въ христіанскую вѣру. Конечно, вы согласны, надѣюсь?

— И сейчасъ! — отвѣтила, волнуясь, Вѣра.

— Въ такомъ случаѣ я иду къ священнику! — рѣшилъ Туча, поднявшись изъ креселъ. Затѣмъ онъ вышелъ изъ комнаты. За нимъ выбѣжалъ, блѣдный какъ стѣна, Осипъ.

— Саша, погоди немножечко. Все это хорошо; но какъ посмотрятъ на мой бракъ родные, знакомые, земляки? Вѣдь они, хотя Вѣра и приняла бы православіе, все равно будутъ считать ее жидовкой, будутъ смѣяться надъ мной и поносить. Самъ знаешь, какъ смотрятъ наши люди на еврейскую націю.

— Ну, Осипъ, въ такомъ случаѣ нечего больше и разговаривать. Вонъ отсюда и концы въ воду! Какъ стоишь, уѣзжай сейчасъ со мною!

— Саша, помилуй; этого быть не можетъ! Ты подумай: мое слово, честь долгъ и прочее.

— Слово, честь, долгъ и прочее! А родина — не честь, не долгъ? Чортъ возьми, здѣсь можно съ ума сойти!

— Сашенька, золотой мой! пойми меня: безъ Вѣры я пропаду. Она ухаживаетъ за мною, какъ за дитятей, утѣшаетъ, обласкаетъ.

— Такъ значить; прости, конь, прости, золотая влюбка! Да, Осипъ, хорошо сказалъ Гоголь: велика власть слабой женщины! Совершенно вѣрно! Теперь, однако, некогда говорить объ этомъ. Она тебѣ нужна, она за тобой ухаживаетъ, она любитъ тебя, ты любишь ее: однимъ словомъ, васъ можетъ разлучить одна лишь смерть. Бѣги къ ней, я скоро приду обратно!

Вошедшаго въ домъ батюшки Тучу встрѣтили три взрослые дѣвѣцы и полная матушка. Немного спусти явился изъ боковой двери священникъ, здоровый, плотный и крѣпкій мужчина съ сѣдыми волосами, раздѣленнымъ по поламъ и скрученными въ косу, перевязанную толстымъ чернымъ шауркомъ.

Большая его борода была тоже сѣдая. Выслушавъ внимательно Тучу и узнавъ въ чемъ дѣло, онъ замахалъ руками:

— Не могу, дорогой, не могу! Это хитрость, ни мнѣ, ни болѣе, какъ одна хитрость. Дорогой, никогда выхрещенный еврей не можетъ быть истиннымъ христианиномъ. Понимаете? никогда!

— Батюшка, человекъ можетъ ошибаться.

— Въ даномъ случаѣ я не ошибаюсь. Повѣрте мнѣ, дорогой. У меня опытъ, практика. Вдобавокъ нужно разрѣшеніе архіерея; у васъ оно есть?

— Нѣтъ! Я пришелъ именно спросить, что нужно.

— Вотъ видите, дорогой. А разрѣшеніе родителей имѣется?

— Тоже нѣтъ! а безъ него нельзя обойтись?

— Сколько ей лѣтъ?

— Около 20-ти.

— Нельзя, дорогой, никакъ нельзя, не могу! — Батюшка потрясъ бородой и покосилъ однимъ глазомъ на Тучу: — не полякъ ли вы будете?

— Нѣтъ, я русскій, только не здѣшній, а изъ Галичины.

— Не могу, дорогой, рѣшительно не могу. Каждый день является ко мнѣ по два, по три еврея, и просятъ крестить ихъ. Но я вамъ, дорогой, повторяю, что это хитрость.

Пришлось Тучѣ уйти. При отходѣ за его спиной раздался дѣвичій хохотъ, отъ котораго ему сдѣлалось и досадно и больно. Осипъ и Вѣра съ радостью бросились ему на встрѣчу, когда онъ перешагнулъ порогъ.

— Нельзя, рѣшительно нельзя!

Такая неожиданная вѣсть, какъ громъ, поразила одного и другого. Оба они поблѣднѣли и, молча, смотрѣли на Тучу. То, чего такъ боялась Вѣра, приближалось къ концу. До сихъ поръ она все вѣрила въ успѣшный исходъ и никогда не думала о разлукѣ съ Осипомъ. Теперь страхъ наполнилъ ея трепещущее сердце.

— Александръ Александровичъ, не уводите мнѣ его, не рвите моего сердца пополамъ. Не гоните меня въ могилу. Я хочу быть съ нимъ; я пойду за нимъ какъ тѣнь, всюду въ самый опасный бой и мать брошу и отца брошу, чтобы быть съ нимъ. Съ нимъ мое счастье и жизнь! — залепетала она, роняя на грудь свою слезу за слезою и ломая руки. Вдругъ она обвила руками шею Осипа и, какъ лебедь, прильнула къ нему. Кромѣ него она ничего не видѣла и не замѣчала.

Весьма тронутъ былъ Туча этой сценой. Впервые въ своей жизни онъ встрѣтилъ безкорыстную, самоотверженную, готовую на муки и лишенія любовь. До сихъ поръ онъ не вѣрилъ въ возвышенный порывъ женщины, а теперь убѣдился, что ошибался.

Въ комнату вошла мать Вѣры, знающая, какое горе готовить ей дочка. Увидѣвъ ее на груди чужого человека, она,

обыкновенно какъ мать, стала брачить такой постутокъ неблагодарный уже второй своей невѣрной дочери.

— Ты безстыдница, сама вѣшаешься мужичиѣ на шею. Конечно молодой человекъ и радъ. Гдѣ совѣсть у васъ обоихъ?

— Мама, ты меня можешь бранить и убить, если хочешь, но Осипа оставь въ покоѣ. Я его люблю, и ты, пожалуйста, не вѣшивайся не въ свои дѣла.

— Не въ свои дѣла, подумаешь! Что это такое? Дочь родная и не свои дѣла! Безстыдница ты! Уйди отсюда, слышишь!

— Нѣтъ, не уйду! вотъ лучше ты сдѣлаешь, если уйдешь.

Старуха застыла отъ такой рѣчи; пошамкавъ губами и не зная, что дѣлать дальше, она повернулась и ушла со своимъ второй разъ постигшемъ ее горемъ. На Вѣру она возлагала свои послѣднія надежды. Она берегла и лелѣяла ее какой-то болѣзненной и неестественной любовью, думая, что съ Вѣрой не погаснетъ огонь родительскаго очага. Ибо у евреевъ имѣетъ значеніе женщина лишь тогда, когда она принявшее потомственное родство сбережетъ наслѣдственно. Поведеніе Вѣры изумило своихъ мужичиѣ, удивило, но и повалилось.

— Погодите, господа, на этомъ не конецъ. Совѣтуйте, что мнѣ дѣлать.

— Нѣтъ, Вѣра, теперь уже нечего ждать, а надо приступить къ дѣлу. Не бѣда, что здѣшній попъ отказалъ. Найдется другой, который окреститъ васъ безъ всѣхъ этихъ требованій, какъ разрѣшеніе архіерея, родителей, городского управленія, безъ молитвы, поста, милостыни и еще чортъ знаетъ чего. Это все одна только формальность; дѣло не въ ней, а въ чувствѣ, желаніи, убѣжденіи. Разъ вы чувствуете себя русской, то все прочее—мелочь.

— Александръ Александровичъ, я хочу быть законной женой, по всѣмъ правиламъ православной церкви и обычаямъ русской земли. Помогите мнѣ сбросить разъ навсегда изъ себя бремя; на васъ одного надѣюсь.

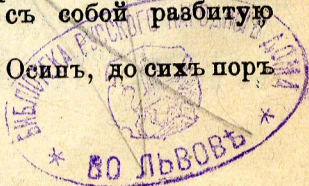
Вошла опять старуха.

— Тебя зоветъ отецъ!

— Чего? Не пойду! — на отрѣзъ отвѣтила Вѣра.

Мать, сплеснувъ руками, заголосила на всю комнату. Семейная трагедія началась. Явился и отецъ и сталъ уговаривать дочку, просить и требовать, чтобы она образумилась, доказывая, что бракъ неравенъ, нелѣвъ и ничего хорошаго не сулитъ. Просьбы и доказательства не имѣли ни малѣйшаго успѣха. Вѣра отвѣчала, что никого не желаетъ дѣлать несчастнымъ и, какія бы лишенія послѣ брака ни постигли ее, она пойдетъ съ тѣмъ, кого любить. Убѣдившись въ томъ, что Вѣра не отступитъ отъ своего намѣренія, старикъ ушелъ, увлекая съ собой раабитую старуху.

— Саша, что жъ теперь? — спросилъ Осипъ, до сихъ поръ

молчавшій и разсуждавшій о происходящемъ. Онъ терялъ уже терпѣніе.

— Нужно дѣлать то, что я уже предложилъ: ѣхать въ деревню! За успѣхъ не ручаюсь. Вы только, Вѣра, достаньте кой какіе документы; они могутъ пригодиться. Предлагаю ѣхать, сегодня вечеромъ. Знаете сами, какія тучи висятъ на горизонтѣ. Большевики могутъ быть въ скоромъ времени въ Мелитополѣ.

Конечно, предложеніе было принято. Вѣра ухитрилась достать платье, документы и нѣсколько драгоценныхъ вещей и подъ вечеръ явилась за городомъ на условленное мѣсто, гдѣ ее ожидали два офицера и подводчикъ. Тронули въ глухую, пустую степь. Отъ р. Молочной ползъ туманъ, сырой и холодный. Такъ и казалось, что изъ него посыплетъ дождемъ. Подвода проѣхала въ песочную долину, взобралась на холмъ, опять спустилась на равнину и остановилась въ деревнѣ за двадцать верстъ отъ города. Туча постучалъ въ дверь, за которой черезъ нѣкоторое время обозвался женскій голосъ, обѣщающій доложить батюшкѣ. Когда открылась дверь, на порогѣ показался низенькій, худенькій, старый священникъ съ жидкой бородкой и свѣчкой въ драхлой рукѣ; уже въ корридорѣ стали излагать офицеры дѣль и причину своего появленія. Батюшка ввелъ ихъ въ комнату и терпѣливо и спокойно выслушалъ весь докладъ.

— Не могу, голубчики, не могу! — отвѣтилъ онъ рѣшительно.

Для Осипа это было уже черезчуръ; онъ вынулъ изъ кармана револьверъ и подвелъ его къ груди священника.

— Вы должны, батюшка! — крикнулъ онъ, поблѣднѣвъ, какъ снѣгъ.

Туча отнялъ у Осипа револьверъ.

— Не могу, голубчики! Что хотите, то и дѣлайте со мной, но я не могу, какъ православный священникъ, присягающій ежедневно Господу исполнять Его заповѣди свято и чисто. За каждое мое дѣло, голубчики, я долженъ буду отвѣчать передъ Нимъ.

Вѣрѣ сдѣлалось страшно. Ей казалось, что этотъ священнослужитель знаетъ самыя сокровенныя и глубокія тайны человеческой души; каждое его слово звучало въ ея ухахъ загробнымъ, холоднымъ голосомъ. Въ ея очахъ появились слезы; она готова была заплакать и, трепеща, закрыла почти все лицо чернымъ платкомъ.

— Батюшка, вѣдь крещеніе должно бы васъ радовать, какъ богоугодное дѣло. Чего вы боитесь? Все то, что вы наговорили, не имѣетъ смысла, ибо человекъ, пожелавшій принять св. крещеніе, уже, по словамъ священнаго писанія, тѣмъ самымъ крещенъ Духомъ святымъ. Какой же вы служитель Бога? Сухой формалистъ и ничего больше! — пояснилъ Туча.

— Ложное толкованіе, голубчикъ! Вы не на морѣ, вы не въ пустынѣ, гдѣ нѣтъ священника. Постарайтесь въ своемъ

приходѣ сдѣлать все необходимое, тогда и приходите, тогда все сдѣлаю. Сейчасъ, голубчики, хоть меня убейте на мѣстѣ, не могу!

Старичокъ затрясся и выпустилъ изъ рукъ свѣчу. Въ комнатѣ стало темно. Весь плавъ Тучи опять провалился. Онъ дернулъ Осипа, тотъ подалъ руку Вѣрѣ и всѣ трое они вышли изъ дому. Въ воротахъ они наткнулись на старую бабу, въ лохматыхъ, съ котомкой и костью въ рукахъ.

— Куда такъ поздно — фу ты! — такъ рано, бабушка? — спросилъ, Богъ вѣсть зачѣмъ, Туча.

— Въ церковь, миленькій. Отецъ Гнатій скоро выйдутъ на заутреню. То то, миленькій, какъ станутъ читать и пѣть, то слезы, какъ горошокъ, такъ катятся. А вы что за люди?

Отвѣта она не удостоилась. Добравшись до подводы, ночные путешественники сѣли на нее, молча, и поѣхали обратно въ Мелитополь. Еще гуще, сырѣе и прохладнѣе сдѣлалась мгла, такъ что тяжело было дышать. Уже совсѣмъ разсвѣтало, когда они вѣхали въ первую улицу города. Ужасная тревога и суетня накопившагося народа остановили подводу. Гражданское население, смѣшавшись съ войсками, бѣжало въ страхъ передъ наступающими большевиками. Туча соскочилъ съ подводы, желая выяснить въ чемъ дѣло, да такъ и не возвратился больше. Онъ присоединился къ отступающему Мелитопольскому гарнизону и сейчасъ былъ назначенъ командиромъ добровольческой студенческой части. Осипъ, не дождавшись Тучи, оставилъ Вѣру у подводы, заѣхавшей въ первый дворъ, и побѣжалъ на вокзалъ собрать точныя свѣдѣнія о создавшемся положеніи, но подобно Тучѣ уже не добрался обратно къ Вѣрѣ. Большевитскія конныя развѣдки вошли въ городъ. Онъ вынужденъ былъ вмѣстѣ съ Деникинскими остатками уходить въ Крымъ и бросить Вѣру на произволъ самой жестокой и безпросвѣтной судьбы.

За дугами за зелеными,
За садами за вишневыми,
Лежитъ шляхъ—дороженька,
Широкая тай убятая.
Слизоньками тай политая.

Свадебная пѣсн.

4. Свадьба.

Въ Крыму прожилъ Осипъ въ ужаснѣйшихъ мукахъ цѣлыхъ шесть мѣсяцевъ: послѣдвія недѣли осени, всю зиму и начало весны. Послѣдствія раненія и душевныя тревоги подтачивали его здоровье. Дошло до того, что его стали преслѣдовать привидѣнія и призраки. Такъ, наиримѣрь, въ саду у Счастливцево ему привидѣлась Вѣра; черезъ нѣсколько дней она опять ему явилась. Послѣ cadaго привидѣнія онъ терялъ сознаніе, валился, какъ подкошенная трава, въ обморокъ на зе-

млю и бился въ судорогахъ нѣсколько минутъ. На его лицо выступалъ потъ, а уста покрывались пѣной. Затѣмъ блѣднѣлъ и, какъ мертвецъ, лежалъ цѣлыя сутки съ болью головы.

Не многимъ лучше жилось и Вѣрѣ. Въ родительскій домъ она уже не вернулась и переехала на жительство къ сестрѣ въ Александровскъ. Отецъ ея умеръ, не будучи въ состояніи перенести горя, отъ разрыва сердца, а мать, подавленная потерей мужа и дочери, поникла головой и заперлась на ключъ. Весь домъ перешелъ на руки долготѣней служанки.

Одинъ Туча не падалъ духомъ. Дальше Сивашей онъ въ Крымъ не ушелъ и жилъ тамъ, несмотря на суровую жизнь, безъ заботы. Военная жизнь пришлась ему по душѣ. Онъ любилъ Крымъ и синее, какъ море, небо. Когда съ весной началось наступленіе, руководимое Врангелемъ, онъ шелъ въ первыхъ рядахъ Врестскаго полка, не зная утомленія. Какая-то неудержимая сила толкала его впередъ подъ свистъ пуль и грохотъ ядеръ. Ни на что не обращалъ онъ вниманія; тѣмъ распятой родины вѣчно стояла передъ его очами. Добровольцы взяли Мелитополь. Казалось бы, что Туча побѣжитъ туда узнать, что случилось съ Вѣрой. Куда тамъ! Ему теперь некогда возиться съ бабами. Онъ прошелъ мимо города черезъ Кизлярку, Семеновку, Федоровку и Троицкое на большой Токмакъ. Ни по чемъ ему похвалы и отличія. Одна неотступная мечта дѣлаетъ его грудь: свобода и величіе русскаго народа. Жизни своей онъ не щадилъ, но судьба все таки его щадила. Онъ не погибъ, несмотря на то, что былъ въ самыхъ опасныхъ бояхъ; только за Большимъ Токмакомъ, въ двѣнадцатомъ съ ряду сраженіи, онъ былъ раненъ и принужденъ былъ выбыть изъ строя. Его подняли санитары, которымъ онъ велѣлъ занести себя къ Токмакъ и вымыть раны съ крови и грязи. Случилось это въ полдень. Жара въ степи стояла невиносимая. Ни вѣтерокъ не дунулъ, ни рожь не зашевелилась. Не видно и не слышно было даже жаворонковъ въ воздухѣ. Все спряталось передъ палящими лучами солнца. Бой утихъ, и тишина объяла степь.

Туча былъ отправленъ въ Мелитополь. Въ больницѣ дѣлали ему ежедневно перевязки и велѣли лежать. Какъ только его раны немножко зажили, онъ вышелъ въ городской садъ и встрѣтился съ Осипомъ и Вѣрой, которая какъ разъ передъ наступленіемъ Врагелевскихъ войскъ пріѣхала въ Мелитополь и остановилась въ гостинницѣ. Ихъ неожиданная встрѣча замѣнилась въ дѣтскую радость. Разговорамъ и рассказамъ не было конца. Изъ всего сказаннаго выходило, что бракъ Вѣры съ Осипомъ не состоялся; опять все бремя его свалилось на Тучу, которому теперь въ этомъ дѣлѣ сама судьба пошла на встрѣчу.

На Руси сохранились прекрасныя сердца и тлетворное разложеніе не коснулось ихъ. Въ больницу, гдѣ помѣщался Туча, приходили женщины, чтобы поговорить съ больными и ранеными. Не важно то, что онѣ являлись съ подарками, а не-

однѣмъ было то, что онѣ приносили съ собой отраду, успокоеніе и утѣшеніе для страждущихъ. Одна изъ такихъ посѣлительницъ, по имени Нина, была едва гимназисткой. Это было миловидное, нѣжное, кроткое существо не болѣе 17-ти лѣтъ, средняго роста, съ волнистыми, темнорусыми кудрями, съ сѣрыми мечтательными глазками и ямочками на щечкахъ, когда улыбалась она. Возлѣ кровати Тучи она остановилась съ какой-то трогательной робостью, но несмотря на то она первой начала говорить. Рѣчь ея была такъ же милой, какъ и наружный видъ. Туча узналъ, что она была единственной дочкой священника изъ Семеновки, лежащей въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Мелитополя.

Впервые въ своей жизни Туча испыталъ что-то въ родѣ любви. Оаъ каждый разъ проводилъ ее, и они сблизились, стали сразу себѣ родными, какъ будто они оба въ одномъ дому выросли. Понятно, что Туча бытъ позванъ въ Семновку и встрѣченъ весьма радушно родителями Нины. Къ нему привыкли и, когда онъ не пришелъ въ Семеновку, посылали подѣ вечеръ за нимъ подводу. Воспользовавшись хорошимъ къ нему отношеніемъ священника, онъ приступилъ къ дѣлу. Оаъ уговорилъ батюшку окрестить Вѣру и бракосочетать съ Осипомъ; долго оаъ не соглашался, но наконецъ уступилъ, заявляя однако, что не ожидаетъ ничего хорошаго отъ такого брака.

Когда Туча объявилъ Вѣрѣ и Осипу о согласіи священника, они оба бросились его обнимать и цѣловать. Въ особенноти Вѣра была въ восторгѣ. Съ тѣхъ поръ она прямо стала ухаживать за Тучей, а Осипа какъ будто позабыла. Въ чемъ заключалась такая перемѣна? Хитрая дѣвушка дѣлала это только для того, чтобы Туча не остылъ въ своихъ стараніяхъ. Одну недѣлю она училась правиламъ христіанской вѣры; Осипъ, можно сказать, изъ равнодушнаго къ дѣламъ вѣры, сдѣлался весьма набожнымъ.

Пришелъ день крещенія и вѣнчанія. Вѣра одѣлась въ бѣлое платье; волосы она заплепа въ одну косу и голову прикрыла бѣлымъ платкомъ; на чело ея легла какая то грусть; она избѣгала разговора, сосредоточивая свои мысли. Извозчикъ, додумавшись въ чемъ дѣло, пустилъ своихъ лошадей въ быстрый бѣгъ за городомъ по битой сухой дорогѣ черезъ степь, кустарники и Семеновскіе огороды съ вишневыми садами, перерѣзанные лѣннвой Молочной. Священникъ ожидалъ ихъ у воротъ; выбѣжала Нина, на крыльцѣ появилась матушка. Въ церкви уже было нѣсколько крестьянокъ. Священникъ надѣлъ на себя ризы. Начался обрядъ крещенія. Отвѣты, которые давала на вопросы Вѣра, записывалъ молодой псаломщикъ. Все происходило у порога церкви.

— Ваше имя? — спросилъ священникъ.

— Вѣра.

— Я спрашиваю Ваше настоящее имя.

На лицѣ дѣвушки выступили красныя пятна; она опустила голову, и тихо стала отвѣчать на дальнѣйшіе вопросы,

— Какъ ваше настоящее имя? — повторилъ священникъ.

— Ревекка.

— Отчество?

Красныя пятна, появившіяся опять на лицѣ Вѣры, уже не исчезали до конца крещенія.

— Александровна.

— Не иначе? Говорите правду.

— Абрамовна.

— Фамилія?

— Абровская.

— Я спрашиваю настоящую — сказалъ батюшка и покосилъ на Вѣру однимъ окомъ.

— Абровкеръ.

— Лѣтъ сколько вамъ?

— Девятнадцать.

Затѣмъ послѣдовалъ цѣлый рядъ другихъ вопросовъ. Вѣра должна была отвѣтить, что вѣру своихъ отцовъ покидаетъ добровольно, убѣдившись въ ея ложности, что никакіе расчеты, корысти, земныя блага не заставляютъ выречься іудейскаго имени, что православіе принимаетъ охотно ради спасенія своей души. Она должна была исповѣдываться, принести клятву и на серединѣ церкви прочитать: „Вѣрую“. Говорила она тихо, ошибалась и большей частью повторяла слова за священникомъ. Самое крещеніе состоялось слѣдующимъ образомъ: Вѣра должна была раздѣться и нагая влѣзть въ бочку съ водой. Неохотно снявъ одежду и покрывъ себя простыней, она вошла, закусивъ губы, въ бочку и, какъ бѣломраморная статуя у фонтана, ни шевельнулась въ водѣ. Крестнымъ отцомъ былъ Туча, имя котораго стало отчествомъ Вѣры, а крестной матерью была Нина. Послѣ крещенія состоялось бракосочетаніе.

Крещеніе Вѣры произвело на каждаго изъ присутствующихъ особое впечатлѣніе. Священникъ острилъ; Нина, прижимаясь къ Тучѣ, пояснила ему шопотомъ, что Вѣра „моченая“, псаломщикъ Питиримъ назвалъ крещеніе попросту комедіей, на что крестьянки захохотали на всю улицу. Туча негодовалъ самъ не зная, на кого и на что. Въ немъ еще въ церкви, когда Вѣра вырекалась вѣры своихъ отцовъ, созрѣло убѣжденіе, что выкрещиваніе есть ужасное, недопустимое дѣло, что оно никакой пользы не можетъ принести православной церкви. У Вѣры перевернулось въ умѣ все шиворотъ на выворотъ; она съ отвращеніемъ отнеслась къ произведеннымъ надъ ней формальностямъ. Задума легла на ея прекрасномъ челѣ и она съ огорченіемъ смотрѣла на весь Божій міръ. Не помогли привѣтливыя, ласковыя и нѣжныя слова Осипа, который одинъ остался весьма довольный крещеніемъ.

Батюшка пригласилъ новобрачныхъ къ себѣ на чай. Нина

однако взяла подъ руку Тучу и увела по усыпанной желтымъ пескомъ дорожкѣ въ вишневый садикъ. Такъ какъ роса уже высохла, они сѣли на зеленой муравѣ. Нина чуть-чуть волновалась.

— Сядь, Саша, возлѣ меня ближе; я хочу тебѣ сказать, что меня волнуетъ. Если бы меня, какъ въ старину мученицъ, повѣсили на деревѣ, распяли бы, жилы желѣзомъ и крюками тѣло рвали бы, я бы не выреклась вѣры моихъ отцовъ, какъ сейчасъ сдѣлала эта еврейка. Я не въ состояніи всего тебѣ высказать, что думаю, куда мнѣ! Жидовство присѣло русскую землю, и портится святая наша вѣра. Православная вѣра есть неотъемлимая часть русской души, какъ рѣчь, завѣтъ, обычай, обрядъ, духъ и все прочее, что составляетъ черты русскаго народа. Ты, Саша, милый и славный человекъ, но не знаешь всего, что у насъ творится. Въ нашей гимназіи всѣ мои подруги-еврейки хотятъ выйти замужъ за офицеровъ и только за русскихъ; всѣ онѣ готовы перейти въ православіе. Но намъ мнимыхъ православныхъ не нужно. Всѣ эти „моченные“ несутъ варварство въ русскій народъ. Почему, Саша? Потому, что они только слегка касаются символа нашей вѣры. Русскіе, когда принимали христіанство, стояли въ Дѣлѣ въ водѣ по голову; „мочевые“ стоятъ лишь по колѣни. Они только прикрываются русскимъ именемъ и подрываютъ устой русскаго народа; обойдется безъ нихъ; вплоть до нашего времени безъ нихъ строилась русская земля и теперь намъ ихъ не нужно. Саша, пойми меня.

Нина склонилась къ Тучѣ и заплакала.

— Безъ меня и тебя она не vykрестилась бы. Любя его, ты старался сдѣлать все, что можно; любя тебя, я уговорила отца; любя меня и тебя, отецъ согласился ее vykрестить. Всѣ мы поступили плохо. Я это чувствую, Саша. Но пусть будетъ; случившагося не вернешь. Саша, у тебя есть крестикъ?

— Нѣтъ, у насъ матери не даютъ крестиковъ.

— Возьми, миленькій! — сказала она, снявъ маленькій золотой крестикъ изъ своей шеѣ и воткнувъ его за воротникъ Тучи.

Съ крыльца обозвался матушкинъ голосъ. Они встали и подошли къ воротамъ. Осипъ и Вѣра сидѣли уже въ каретѣ. Туча, простившись со всѣми, вскочилъ на козлы. Свистнувъ, извозчикъ тронулъ лошадей, которые, какъ вихрь, по той-же битой дорогѣ мимо огородовъ, вишневыхъ садовъ и рѣки Молочной памчались въ степь къ Мелитополю. Осипъ, не зная уже, что ему говорить и чѣмъ развлечь Вѣру, указалъ ей на еврейское кладбище, мимо котораго они проѣзжали. Онъ хотѣлъ ее обрадовать, что она уже больше не еврейка, но эта необдуманная неосторожность еще въ высшей степени разстроила раненную неуклюжими операціями душу.

— На этомъ кладбищѣ мнѣ больше не лежать — шепнула Вѣра и, закрывъ платкомъ лицо, зарыдала. Она плакала.

слезами обиды; плакала потому, что обошлись съ ней грубо и подвергли ужаснымъ пыткамъ сухой формалистики. Не подлежитъ сомнѣнію, что какъ разъ во время крещенія она была самой убѣжденной еврейкой и не вырекалась вѣры своихъ отцовъ, а напротивъ полюбила эту вѣру. Пріѣхавъ къ себѣ, она ушла въ другую комнату и на ключъ заперла дверь за собой. Совѣсть не давала ей покою, она желала уединиться и подумать о томъ, что случилось.

(Не приведи Богъ видѣть русскій бунтъ, бессмысленный и беспощадный!

А. С. Пушкинъ.

5. Подъ шумъ Салгира.

На слѣдующій день Туча уѣхалъ на фронтъ, хотя его рана не зажила, какъ слѣдуетъ. Съ Ниной и ея родителями онъ простился письменно. Опротивѣлъ ему городъ, домъ на домѣ, кучи камней и кирпичей, закоптѣлыя трубы, лязгъ вожовъ, туманы пыли и сажы, запахъ затхлыхъ коридоровъ, толкотня и бабій крикъ и по вечерамъ бредни лгуновъ и шулеровъ. Послѣднія слова Нины, когда она ему дарила крестикъ, упрекомъ звучали въ его ухахъ. Пуще прежняго не щадилъ онъ себя, стараясь забыть все, что случилось въ Мелитополѣ.

Нина затосковала. Подолгу она гуляла въ саду и вдоль Молочной, предавшись воспоминаніямъ о миломъ другѣ. Никто не видѣлъ ея дробныхъ слезъ, никто не слышалъ ея тихихъ рыданій; ни отецъ ни мать не замѣтили, какъ каждый вечеръ она уходила въ уголокъ церкви, никто не видѣлъ, какъ припадала она къ родной землѣ. Она молилась и вѣрила въ то, что Туча еще вернется. Однако не вернулся онъ больше.

Осипъ устроился въ тыловой части, на что онъ, какъ тяжело раненый, имѣлъ полное право. Послѣ брака его характеръ совершенно перемѣнился. Изъ буйного юноши и лихого бойца онъ превратился только въ доброго молодца; проще сказать: онъ сдѣлался тѣмъ, что получило названіе „бабы“. Онъ сталъ тихимъ и смирнымъ и безпрекословно исполнялъ всѣ захотѣнія Вѣры. Можно было его назвать „тихимъ и порядочнымъ мужемъ“.

Вѣра вошла въ свою роль; она пополнѣла, похорошѣла и стала еще бойче и энергичнѣе, чѣмъ была передъ бракомъ. Мать ея смякла. Родственники устроили свиданіе и Вѣра переселилась въ родной домъ. Одно только было непріятно для Осипа, именно звать еврейку матерью. Онъ тяготился и сокрушался, хотя никогда не подавалъ вида, что страдаетъ по этой причинѣ. Вѣрой онъ былъ доволенъ и счастливъ даже.

А Вѣра? Два мѣсяца она не сводила очей изъ своего мужа. Она его переодѣвала, мыла, чесала, проводила на службу, ожидала у воротъ канцеляріи, когда кончались часы занятія. По-

томъ она остыла къ Осипу, хотя этого и не обнаружила. Онъ не догадался и не въ состояніи былъ догадаться. Чѣмъ больше она остывала, тѣмъ внимательнѣе относилась къ нему. Любовь ея пошатнулась и немалую роль въ этомъ отношеніи сыграла падучая. Первый разъ, когда случилась съ Осипомъ эта болѣзнь, она испугалась и думала, что онъ помретъ; второй разъ, увидѣвъ пѣву на его устахъ, она почувствовала къ нему отвращеніе, но напрягала всѣ усилія, чтобы подавить это чувство. Мать стала ее журить, конечно, осторожно и обдуманно. Дума и страданіе вселились въ сердце Вѣры. Этимъ ея тревожнымъ страданіямъ положила конецъ сама судьба.

Большевики, заключивъ за всякую цѣну миръ съ поляками, повели всѣми силами наступленіе на добровольцевъ; опять пришлось имъ отступать въ Крымъ. Отступленіе происходило въ ужаснѣйшихъ условіяхъ: большевики заняли Каховскую переправу и Сиваши у Перекопа; оставшіеся въ Александровскѣ и Мелитополѣ добровольческія части должны были пробиваться въ Крымъ. Фронтвики, тыловыя части и гражданскія чины смѣшались; у селеній Сокологорного и Алексѣевки толпы народа сбились въ одинъ валъ, точно льдинная запруда на вздувшейся весной рѣкѣ. Такъ же въ толпѣ шумѣло, клокотало, гудѣло, грохотало, такъ же какъ льдины на льдины сбивались кучи народа. Къ счастью корпусъ генерала Кутепова сдѣлалъ прорывъ въ большевитскомъ навалѣ, и путь въ Крымъ былъ освобожденъ; тысячи жизней были спасены.

Во всей этой суматохѣ находился Осипъ съ Вѣрой, которымъ въ концѣ концовъ удалось пробраться въ Симферополь и заквартироваться у двоюродной сестры Вѣры. И тутъ то на вокзалѣ Осипъ наткнулся случайно на Тучу.

- Ну, слава Богу, что встрѣтился съ тобой, Саша!
- Здорово, дружище! Какъ дѣла? Жинка съ тобой?
- Конечно, конечно! Но что это, Саша, творится?
- Что? Уходимъ изъ Крыма!
- Быть не можетъ!
- Читай приказъ!

Туча подалъ ему кусочекъ бумаги. Прочитавъ, Осипъ поблѣднѣлъ, какъ мѣлъ. Онъ надѣялся, что большевики будутъ повздрыжаны у Перекопа, какъ годъ тому назадъ. Теперь эта надежда рухнула. Осипъ посмотрѣлъ на своего друга большими глазами.

- Саша, что дѣлать?
- Какъ что? уходить вмѣстѣ со всѣми!
- А Вѣра?
- И Вѣра пусть уходитъ!

— Милый Саша, она разболѣлась, она совсѣмъ слегла и не хочетъ дальше уходить. Говорить, что хочетъ умереть на русской землѣ.

- А гдѣ она?
- У двоюродной сестры.

— У жидовки?

— Да, Саша.

— Такъ что же? Пускай остается у сестры, когда она милѣе тебя, а ты уходи, не то погибнешь. Ты знаешь самъ, что на милость красивыхъ рассчитывать нельзя. Уходи и конечно; другого выхода нѣтъ.

— Уходи безъ Вѣры? Нѣтъ, дорогой Саша! Этого я сдѣлать не могу и тѣмъ болѣе теперь, когда она больна. Не могу я оставить ее на произволъ судьбы.

— Почему на произволъ судьбы? Она вѣдь у сестры, и если ты останешься, то ей ничѣмъ не поможешь, только погубишь себя. Ты убитъ будешь какимъ нибудь палачомъ красныхъ не въ честномъ бою съ оружіемъ въ рукахъ, а какъ связанный теленокъ въ жидовской бойнѣ. Уходи, говорю тебѣ. Съ Вѣрой черезъ годъ-два увидишься: или она придетъ къ тебѣ за границу, или, быть можетъ, мы вернемся въ Россію.

— Нѣтъ, нѣтъ, Саша! Безъ Вѣры ни шагу!

— Чортъ возьми, пропалъ, ни за что пропалъ! — крикнулъ Туча.

Два друга, такъ нѣжно любящіе себя, простились холодно и растались разъ навсегда. Когда Осипъ исчезъ въ водоворотѣ толпы, Туча долго стоялъ на томъ же мѣстѣ и думалъ.

— Жалко, пропадетъ ни за что! Вотъ что можетъ женщина! Жалко, ибо добрый былъ хлопецъ и за освобожденіе Карпатъ не жалѣлъ ни молодости, ни крови. Эхъ, чортъ возьми воли нѣтъ у него только. Всегда его надо подталкивать, хоть храбръ и смѣлъ. Подчинился бабѣ и пропалъ! И любовь у него какая-то смѣшная. Какъ ночной мотылекъ въ огонь, летитъ онъ въ пропасть, и что ты съ нимъ подѣлаешь? Не чары ли это? Не сумашествіе, не туманъ? Ну, такъ прощай Осипъ! На томъ свѣтѣ увидимся.

Туча махнулъ рукою и вскочилъ въ послѣдній эшалонъ, отправляющійся въ Севастополь. Объ уходѣ Вѣры и слышать не хотѣла и совѣтовала Осипу уѣзжать безъ нея, на что онъ, конечно, не согласился. Цѣлыя сутки прошли, какъ въ удушливомъ чаду, и Осипъ ничего не могъ сообразить. Кромѣ Вѣры онъ не видѣлъ ничего. На второй день развязку своего положенія онъ все таки нашелъ. Онъ примкнулъ къ группѣ офицеровъ, оставшихся въ Симферополѣ, и ни за что нежелающихъ уходить изъ Россіи. Эти на вѣрную гибель обреченные люди рассуждали и странно и наивно:

— И большевики люди и все таки русскіе. Главнымъ образомъ надо бросить оружіе и снять погоны. Конечно, они придутъ, арестуютъ, поддержать мѣсяць-два, а потомъ и выпустятъ. Собственно, съ нами и никакихъ такихъ грѣховъ нѣтъ; мы честно сражались съ ними. Сдаемся, какъ побѣжденные, и они это поймутъ — говорили они, утѣшая себя. Вотъ къ этимъ-то изнуреннымъ кровавыми боями и тяжелыми походами офицерамъ присоединился и Осипъ.

Но горе побѣжденнымъ! Случилось такъ, какъ слѣдовало было ожидать отъ взбунтовавшейся стихіи, веденной холоднымъ до подробностей обдуманымъ замысломъ Іуды еще вѣ Россіи.

Былъ чудный осенній день, теплый и пріятный. Еще бабочка, радуясь свѣтлому солнцу, прелетела съ виноградной лозы на лозу. Надъ Тавридой простиралось чистое голубое небо. Отъ Феодосіи черезъ холмы, покрытыя орѣшникомъ и миртомъ, вѣялъ ласковый вѣтерокъ и пропадалъ ниже Бахчисарая. Въ Симферополѣ стало тихо, словно въ хатѣ, въ которой лежитъ мертвецъ. Куполы соборовъ, оттоманскіе мѣсяцы, высокіе кипарисы какъ будто наклонились къ землѣ, предчувствуя адскую грозу.

Да гроза прикатилась. Ворвашіеся въ городъ большевики рвали, ломали, грызли и уничтожали все, что попало въ ихъ руки. Подъ видомъ вылавливанія буржуевъ и выискиванія оружія они перерыли и перековыряли всѣ дома, всѣ жилища. Съ оставшимися офицерами они поступили такъ, какъ иначе не могли поступить.

На западъ отъ города лежитъ покатистая терраса, ниже которой журчитъ, какъ фонтанъ, по камнямъ маловодный Салгиръ, а выше которой растутъ сады. Вдоль Салгира стоятъ по обѣимъ сторонами высокіе, ровные и тонкіе тополи и тутъ и сямъ бѣлые толстые яворы. На эту прекрасную террасу были выгнаны большевиками пойманные, раздѣтые, босые офицеры. Окруживъ кольцомъ, они велѣли имъ сѣсть, дожидаясь пріѣзда товарища — комиссара.

Каждый изъ обреченныхъ на смерть жертвъ думалъ свою думу. Въ продолженіи десяти минутъ каждый изъ нихъ прочувствовалъ столько, сколько не прочувствовалъ всю жизнь. Осипъ припалъ къ землѣ и вслушался въ шумъ Салгира. Подъ этотъ шумъ вспомнилось ему все: родная хата, родные, подгорье и горы Карпатъ, первыя дѣтскія игры, школа, Яворовъ, всѣ друзья, первые дни войны, арестъ, Львовъ, тюрьма во Львовѣ, ночь, когда вѣшали невинныхъ людей, и она... эта солнечная дѣвочка, указавшая ему на ужасъ произвола. Только теперь просвѣтлѣло въ его умѣ; онъ понялъ свою ошибку.

— Все таки я измѣнилъ, и мститъ мнѣ рука таинственной справедливости. Только теперь я понимаю, что Вѣра — одна страсть и больше ничего. Ни духа, ни любви, ни пониманія родной земли въ ней не было. Я былъ всегда съ нею и при ней, но наши пути на сотни и тысячи верстъ расходились; она не могла меня любить, и я ее не любилъ; я любилъ и люблю одну солнечную дѣвочку изъ Львовской тюрьмы, слѣдомъ со мною ходившую по Дону, Кубани, по Недреманной горѣ, по Днѣпру и по Черному морю.

Пріѣхалъ товарищъ — комиссаръ, плюгавый, нечистоплотный жидъ, и далъ приказъ. Произошла страшная бойня. Въ офицеровъ стрѣляли изъ винтовокъ и нагановъ, кололи штыками, рубили саблями, убивали прикладами, добивали каблуками са-

погнѣ. Къ Осипу прискочилъ здоровый паренѣ съ большимъ чубомъ и прицѣлился изъ револьвера, крича:

— Какъ смѣлъ ты, сукиный сынъ, противъ насъ?

— Кого? а что дѣлать васъ, побратавшихся съ нѣмцами, предавшихся на фронтѣ, погубившихъ лучшихъ русскихъ людей, Духовина, Корнилова? васъ, которые идете сдѣло, какъ ба-
раны, по чужому велѣнію истреблять русскія святыни, грабить
русскую землю?.. васъ, которые теперь сдѣлались и безоруж-
ныхъ бѣда?

— И-и-и! а — зачѣмъ, ваше благородіе, бросили оружіе? Я, что ли, долженъ тебѣ дать оружіе въ руки! Ха ха, какой дуракъ!

Хватъ — паренѣ выпалилъ въ Осипа, который, однако, въ одинъ мигъ уклонился и прискочилъ нечаянно къ красноармейцу. Онъ схватилъ его за горло обѣими руками и повалился съ нимъ на землю. Увидѣвъ это товарищъ — комиссаръ, гукнулъ на другого красноармейца, который, прибѣжавъ на мѣсто, со всего плеча рубнулъ Осипа по головѣ своей тяжелой пашкой.

— Вѣ-е-эхъ! — раздался стонъ и брызнула кровь изъ черепа Осипа. Освободившійся паренѣ мять его ногами и въ дребезги разбилъ голову каблуками.

Но конецъ и довольно; что же дѣлала Вѣра въ это время? Она заливалась горькими слезами. Раскинувъ длинную черную косу на грудь, осмотрѣвъ всю прелесть своего полуобнаженного тѣла, она склонилась на диванъ и откинула руку на полъ.

— Напрасно ты такъ буйно выросла, моя черная коса! напрасно разцвѣла ты, моя краса! Доли нѣтъ у меня, и хлещетъ по моему блѣдному лицу недобрый, жестокий вѣтеръ. Почему въ разцвѣтъ моей весны я должна такъ страшно мучиться! Почему должна я пропадать? Ой, горе мое, горе..

Вѣра опять зарыдала и крупныя жемчужныя слезы показались по ея ланитамъ и пали на жаркую грудь.

* * *

Ясно и тихо на Черномъ морѣ. На его волнахъ колышится дымомъ дышущій корабль. На палубѣ стоитъ Туча и съ тоскою смотритъ на покинутый Севастополь. Море, какъ просторъ воздуха, дрожитъ зыбью; темнѣетъ въ очахъ Тучи. Но вотъ летитъ бѣлая чайка, падаетъ въ море и плаваетъ на его волнахъ; она нырнетъ въ воду, то вынырнетъ опять; вытянетъ шею, посмотритъ кругомъ, взмахнетъ крыльями и не то летитъ, не то плыветъ, а какъ будто идетъ ногами по поверхности воды. Приятно смотрѣть Тучѣ на бѣлую чайку.

Пароходъ все поретъ и поретъ скользкія волны. Не видать уже Севастополя, ни Крыма. Кругомъ безбрежное море; давно-давно не видѣло оно столько кораблей; изумилось оно, приумокло, силясь разобрать слова пѣсни:

Нелюдимо наше море,
День и ночь шумитъ оно,

Къ роковомъ его просторѣ
Много бѣдъ погребено.

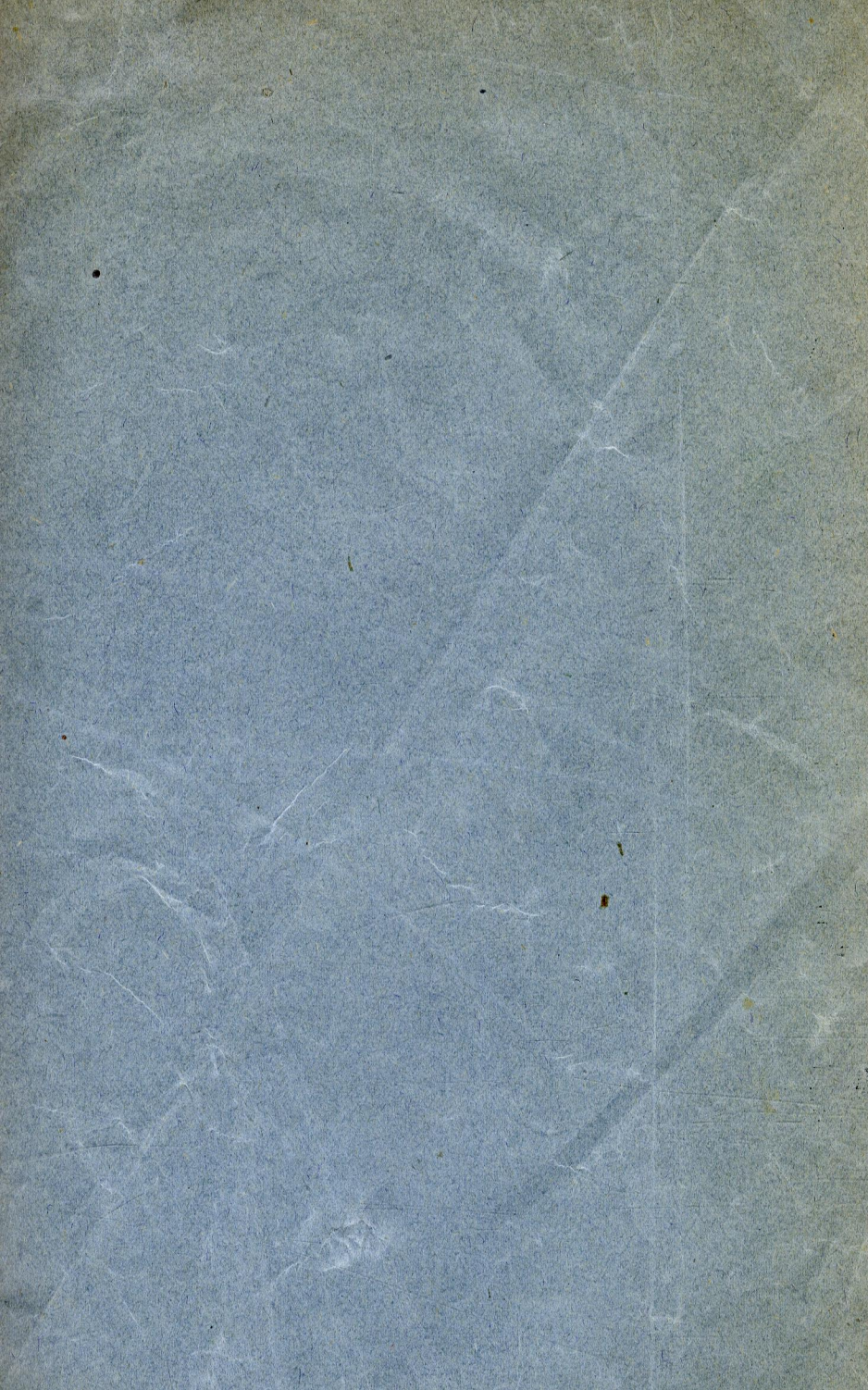
Въ кружкѣ напѣвавшихъ пѣсенку одинъ Туча молчалъ.
Думы придавили его голосъ. Опершись на перила, стоялъ онъ
блѣднѣе стѣны.

— Да, много бѣдъ погребено въ русскомъ морѣ; а сколько
слезъ и крови впитало оно въ себя! Трудно, трудно измѣрить
глубину его! Не измѣрили скифы, не измѣрили варяги, не из-
мѣрили козаки, ибо слишкомъ глубоко русское море...

Прага, 1924.

THE UNIVERSITY OF CHICAGO
LIBRARY
1111 EAST 58TH STREET
CHICAGO, ILL. 60637
TEL. 733-4131
H. 11. 12. 1

kon.

0,93kon

(1986)

PA

53

PL 531 y